

АГРАШЕВА О. Е.

**ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ ГЕНДЕРНЫХ
СТЕРЕОТИПОВ ДИСКУРСИВНЫМИ ГРАНИЦАМИ ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация. В статье рассматривается проблема языковой гендерной стереотипизации. На основе анализа теоретического материала и публичного выступления представительницы американской политической традиции выявляются основные факторы функционирования гендерных стереотипов.

Ключевые слова: гендер, гендерный стереотип, фемининность, маскулинность, политический дискурс, речевое поведение.

AGRASHEVA O. E.

**DETERMINACY OF GENDER STEREOTYPES FUNCTIONAL PARAMETERS
BY DISCOURSE FRAMES OF THEIR VERBALIZATION: AN ENGLISH-BASED STUDY**

Abstract. The article considers the problem of language gender stereotyping. The analysis of theoretical material and a public speech of the American political tradition representative single out the main factors for the functioning of gender stereotypes.

Keywords: gender, gender stereotype, femininity, masculinity, political discourse, verbal behavior.

Одним из важнейших феноменов социолингвистики представляется гендерный стереотип, породивший большое количество научных изысканий. Однако, если в начальный период оформления гендерной мысли наблюдается активное развитие категоричных, довольно смелых взглядов, предположений и теорий, то в последнее десятилетие XX века появляется тенденция к более осторожному отношению к данному феномену и его лингвистическому воплощению. В этой связи некоторые зарубежные ученые, в частности Лакофф, говорят о том, что выявить четкие различия, абсолютный набор конкретных характеристик, которые бы составляли универсальные формулы женской и мужской речи, не представляется возможным. Многочисленные исследования, направленные на анализ количественного и качественного состава словарного запаса, выбор тех или иных частей речи в различных условных ситуациях, использование различных синтаксических конструкций показывают, что определенные отличия в мужском и женском речевом поведении присутствуют. Но важно отметить влияние экстралингвистической составляющей, которая представляется неотъемлемой частью понятия гендера как такового. В зависимости от таких показателей как возраст, воспитание, род деятельности и

многочисленных индивидуальных особенностей личности речевая модель будет варьироваться. На определенных стадиях даже возникает смешение условно мужского и женского стилей. Поэтому развитие гендерной мысли достигло того уровня, когда даже в языках, в которых бесспорно признавалось наличие двух гендерных моделей, факт существования лингвистических различий в женской и мужской речи попал под сомнение. Выдвигались предположения о том, что подобные языковые модели всего лишь суггестируют основные схожести и отличия гендерного порядка, нежели доподлинно существуют [8]. В российском научном пространстве столь категорично не высказывались, но, тем не менее, признавали, что стоит говорить не об универсальных особенностях мужского и женского речевого поведения, а, скорее, о типичных чертах, иллюстрирующих те или иные языковые тенденции гендерного порядка [4].

Сегодня гендерная проблематика вновь представляется актуальной сферой исследования, и для того, чтобы составить более четкое мнение о том, какая же позиция ближе к истине необходимо проанализировать ряд соответствующих теоретических воззрений и сопоставить их с реальной речью.

Большинство ученых сходятся во мнении, что гендер – это исключительно социальная модель, создаваемая социумом через стереотипы, принципы, характеристики, среди которых язык занимает одну из важнейших позиций. В этой связи В. М. Войченко в статье «Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре» говорит: «Термин гендер был введен в аппарат лингвистики для акцентуации социальных составляющих концепта пола, которые, фиксируясь в культурных традициях и стереотипах, оказывают непосредственное влияние на самоидентификацию и поведение личности в различных сферах деятельности» [3, с. 64]. Отечественные ученые в большинстве своем рассматривают гендер как систему взаимодействий для основополагающей стратификации общества, социокультурный пол, социально-демографический конструкт, то есть, это некий набор социальных характеристик, имеющих под собой биологическую основу. Для того, чтобы суждения о гендерном факторе были более корректными и уместными, исследование специфики проявления гендерной идентичности в дискурсивных практиках следует проводить в рамках конкретных сфер общественной жизни и, следовательно, в рамках определенного набора речевых стилей и жанров. Одной из наиболее дискуссионных сфер является политическая, что обусловлено важностью политической сферы в жизни людей [1]. К тому же, являясь соответственно стереотипам привилегированной сферой мужского доминирования и влияния, любое женское присутствие здесь не может остаться незамеченным и порождает хорошую базу ярких примеров речевого поведения несвойственного данному дискурсивному полю.

На сегодняшний день выявление состояния общественного сознания, разработка эффективных приемов манипулирования этим сознанием с целью получения конкретных результатов – это первоочередная задача политической лингвистики, многочисленные направления которой (семиотика, ролевая структура, жанры и стили, метафорические модели, культурно-языковые характеристики и т.д.) вносят определенный вклад в ее выполнение.

Одним из наиболее перспективных направлений как в политической лингвистике, так и в гендерологии является изучение речевого поведения политика как языковой личности. И здесь стоит обратить внимание на явление стереотипизации. А. П. Чудинов придерживается такой позиции, что стереотипы порождает исключительно человеческое сознание, а точнее, две его особенности. Первая заключается в стремлении преобразовать абстрактные ощущения в конкретные если не целиком, то хотя бы частично. Вторая, в какой-то степени аналогичная первой, – это тяготение к упрощению, желание обозначить границы комплексных явлений через набор характерных признаков. Подобные представления изложены в работе американского социолога У. Липпмана «Общественное мнение», который также выделяет две причины формирования стереотипов. Во-первых, стереотипы упрощают жизнь, человеческое мышление и, как следствие, экономят внутреннюю энергию. Вторая причина – стереотипы помогают охранять групповые ценности и права. Хотя стереотипизация и упрощает восприятие действительности, некоторые ученые говорят о ее пользе относительно функционирования психической составляющей человека [2].

Стереотипы способны оказывать сильное влияние, подчинять своей власти целые народы. Среди социальных стереотипов американские психологи проявляют большой интерес к гендерным стереотипам, как к одним из сильнейших, т.к. они способны оказывать серьезное подсознательное влияние на представителей тех групп, на которые эти стереотипы направлены. Гендерные стереотипы в представлении лингвистов – это устойчивые, эмоционально-окрашенные, культурно и социально обусловленные собирательные женские и мужские образы, в большинстве своем основанные не на рациональном знании, а на гендерных предубеждениях, находящие свое отражение в языке. Они важны в социально-политических отношениях, поскольку помогают в осуществлении иерархизации социальных субъектов и явлений. Гендерные маркеры способны охарактеризовать социальные классы, протесты, забастовки, революции, войны, а все это находится в неразрывной связи с политикой. Поэтому гендерные стереотипы – это часть политической культуры, они существуют как в отношении электората, так и в отношении власть имущих. Женская доля в данном случае – это приоритетный образ хранительницы домашнего очага. Наиболее ярко он проявляется в немецкой традиции, где известно такое выражение как «Kinder, Küche und

Kirche» (дети, кухня, церковь), к которому император Вильгельм II добавлял еще и «Kleider» (наряды).

На сегодняшний день лингвисты, заинтересованные гендерной спецификой дискурса, приходят к общему заключению, что практически на всех языковых уровнях возможно общее выделение групп языковых средств, предпочитаемых полами [5]. Каждый вид дискурса способен внести в подобную классификацию свои специфические коррективы, но тем не менее, она так или иначе будет опираться на данные наиболее широкой, общей классификации. Одна из самых наглядных классификаций принадлежит Е. В. Куницыной, которая распределила общие представления о гендерной маркированности естественного речевого поведения по уровням языка [6].

Таким образом, мужчины склонны к употреблению:

- 1) на лексическом уровне – терминов, слов-профессионализмов, инвективов, сленга, жаргонизмов;
- 2) на морфологическом уровне – абстрактных существительных, прилагательных, количественных числительных, глаголов в активном залоге и переходных глаголов;
- 3) на уровне синтаксиса – вопросительных, повелительных и отрицательных предложений с преобладающей подчинительной связью;
- 4) на стилистическом уровне – умеренного или скудного количества стилистических приемов;
- 5) на коммуникативно-прагматическом уровне – конфликтных стратегий коммуникации.

Женская речь, в свою очередь, характеризуется:

- 1) на лексическом уровне – клише, книжными словами, популярными неологизмами в разговорной речи;
- 2) на морфологическом уровне – оценочными прилагательными, сложными прилагательными, прилагательными в превосходной степени, наречиями, союзами, глаголами, выражающими эмоционально-психологическое состояние человека, глаголами в пассиве, непереходными глаголами;
- 3) на уровне синтаксиса – использованием вводных слов и выражений, множества обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений, эллиптических конструкций и инверсии;

- 4) на стилистическом уровне – гиперболизацией, частотным использованием таких стилистических средств как тропы (среди которых первенство выпадает на долю метафор, сравнений и эпитетов);
- 5) на коммуникативно-прагматическом уровне – кооперативным общением.

Проверить практическую реализацию данной классификации можно посредством анализа конкретного речевого акта. Для нашей работы мы выбрали первое выступление Хиллари Клинтон в качестве официального кандидата в президенты от Демократической партии США в 2016 году [7].

Выступление состоит из следующих частей: вступления, представляющего собой длинный лист благодарностей всем тем, кто поддерживал кандидата на протяжении всего периода подготовки к президентской гонке; основной части, которая состоит из воодушевляющей историческо-патриотической подчасти, подчасти самопрезентации и параллельной дискредитации противника, подчасти перечисления актуальных внутренних проблем, всех потенциальных внешних врагов и описания международной ситуации; заключения, построенного в патриотическом духоподъемном настроении единения американского народа во имя светлого будущего. Самые частотные слова, замеченные в данном выступлении – это «still», «proud», «together».

Вступление характеризуется наличием большого количества лексических повторений и параллельных конструкций: «I'm so proud»; «America is stronger because of...I'm better because of...». Было замечено много эпитетов: «remarkable», «strong», «terrific», «big-heart», «inspired», «progressive» и т.д. Используются антонимические пары: «good times – bad times», «front – center», «man from Hope – man of Hope», «their – our». Найдены конструкции метафорического типа: «threw their hearts and souls into...», «turn platform into change». Единожды использована градация: «council and mayor, to Governor, and now Senator». Отмечается частотное употребление союза «and». Используются предложения разной длины, что можно объяснить желанием придать довольно однородному, монотонному тексту некую динамику. Во вступлении отмечается довольно фамильярное обращение ко всем упомянутым лицам.

Первая подчасть основной части характеризуется изложением конкретных исторических фактов. Основная цель этого приема – показать собравшимся важность происходящего, проиллюстрировать непрерывность нити времени провести аналогию властепреимства. В этой «исторической» части используются длинные предложения, осложненные рядами однородных членов «listening... composing...finding», парантезой «the birthday of our nation», параллельными конструкциями и эпифорой «That took courage. They had courage» и т.д. Переход от исторической части к части патриотической характеризуется

использованием риторических вопросов и так называемой «utter reported speech», более коротких предложений, порой, лозунгового типа, организованных в некий квартет с параллельными конструкциями и анафорой: «...too much inequality. Too little social mobility. Too much paralysis in Washington. Too many threats at home and abroad», в триплет с эпитетами, элементами эллипсиса и продолжающим триплет приемом, который в английском языке именуется «detachment»: «...the most powerful military. The most innovative entrepreneurs. The most enduring values. Freedom and equality, justice and opportunity». Между этими группами лексически связанных единиц речи мы видим еще одно использование параллельных конструкций с синонимичными парами, в одной из которых наблюдается аллитерация: «We have the most dynamic and diverse people... We have the most tolerant and generous young people...». Можно отметить и такой интересный, привлекающий внимание способ выстраивания мыслей, как ультимативно-ответный, похожий по своему внешнему виду и восприятию на вопросно-ответный, и имеющий в себе опять же параллельные конструкции и элементы противопоставления: «So don't let anyone tell you that our country is weak. We're not. Don't let anyone tell you we don't have what it takes. We do». Из прочего можно отметить использование эпитетов «perilous», «clear-eyed», и гиперболу «in every problem». В целом, данная часть отличается умелым противопоставлением национального достояния и идеи необходимости его сохранения тому, что предлагает оппонент Хиллари Клинтон – Дональд Трамп. Информация преподносится в авторитарной, местами императивной манере с использованием поучительных примеров и передачей личного жизненного опыта.

В следующей части мы видим красочную описательную самопрезентацию: Хиллари – мать, Хиллари – трудоголик, Хиллари – достойный кандидат в президенты. Здесь речь построена по модели: долгое пространное рассуждение – конкретный «нужный» вывод. Для составления полного портрета использованы метонимия «with all my heart», игра слов «... love trumps hate», триплет «Democrats, Republicans and Independents», предложения с поэтапно регрессирующим количеством однородных членов и, в то же время, укрупняющимся семантическим наполнением: «For the struggling, the striving and the successful. For those who vote for me and those who don't. For all Americans». Данная подчасть интересна тем, что Хиллари Клинтон репрезентует себя и все свои достижения открыто, говорит об этом с гордостью, говорит о своем предпочтении служить (serve) государству, нежели принимать участие в другой неотъемлемой части политического пути – публичной. Кроме того, здесь присутствует большое описание жизненного пути ее семьи, через весь текст идет довольно странное противопоставление Клинтон и верхушки власти (not just those at the top). Это сделано для того, чтобы продемонстрировать ее близость к народу, но в

совокупности производит не самое приятное впечатление довольно затянувшейся речи, лишенной конкретных предложений и побуждения к действию. Присутствует скрытая агрессия в отношении Дональда Трампа (No one gets through life alone), имеет место апеллирование к конкретным фактам, фамилиям, историям с целью дискредитации. Логически выстроенные рассуждения приводятся к выводам, направленным на фокусировании превосходства Хиллари Клинтон (... simply caring is not enough... you have to change both hearts and laws... you need both understanding and action... It's a big idea, isn't it?).

Следующий этап состоит из перечисления ряда внутренних и внешних проблем, признания необходимости их решения и оглашения основных направлений, в которых нужно двигаться для достижения нужных результатов. Здесь Хиллари Клинтон чувствует себя особенно уверено. Предложения лучше структурированы, мысли высказываются четче, видна логическая связь. В отношении внешней политики мысли выражаются очень категорично и жестко. В этой части выступления речь менее окрашена различными стилистическими приемами. Наблюдается присутствие параллельных конструкций «Trump suits in Mexico, not Michigan. Trump furniture in Turkey, not Ohio. Trump picture frames in India, not Wisconsin», «I'm not here to...», риторических вопросов «But how are you going to get it done?», «How are you going to break through the gridlock in Washington?», «Does Donald Trump have the temperament to be Commander-in-Chief?», пар антонимов и синонимов «war and peace», «life and death», «self-control and restraint». Хиллари Клинтон использует большое число названий различных государственных органов и международных организаций. Заключительная часть подытоживает все вышесказанное с использованием главного лозунга президентской кампании Клинтон «Stronger together».

Таким образом, мы видим, что в речи Хиллари Клинтон прослеживаются как фемининные, так и маскулинные черты. Когда речь заходит о сферах, непосредственно связанных с политикой, с геополитикой превалирует маскулинная модель, говоря о внутренней политике и относительно отвлеченных темах Хиллари Клинтон ведет себя согласно стереотипным ожиданиям. Анализ первого предвыборного выступления кандидата подтвердил предположение о том, что в реальной жизни существуют не конкретные гендерные модели, а симбиоз маскулинных и фемининных черт, варьирующихся по частотности употребления и в зависимости от сферы реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенкова Е. А. Инаугурационная речь в коммуникативном пространстве политического дискурса (на материале инаугурационной речи Б. Обамы) // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический

- аспекты: Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). – М., 2009. – С. 13–15.
2. Буренина Н. В. Эмоциональный аспект речевого поведения мужчин женщин // Язык, культура, коммуникация: контексты современности: Материалы Межрегиональной научной конференции. – 2000. – С. 11–12.
  3. Войченко В. М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – 2009. – № 1 (9). – С. 64–70.
  4. Земскова Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 90–135.
  5. Сафонкина О. С. Женская субъективность в проблемном поле феминизма: текстуальные практики: дисс. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2008. – 168 с.
  6. Куницына Е. В. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты: на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы: дисс. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 249 с.
  7. Hillary Clinton's DNC speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politico.com/story/2016/07/full-text-hillary-clintons-dnc-speech-226410>.
  8. Schoenthal G. Geschlecht und Sprache // Jahrbuch 1991 der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung. – Darmstadt, 1992. – S. 90–105.